

„КОГДА В ОТРАДНОГО СОМНЕНИЯ...“

ОТЗВУЧАЛИ наполненные нежностью и светом последние такты одного из любимых творений Петра Ильича Чайковского. В последний раз закрывался занавес. Медленно, как бы дав возможность побыть еще несколько мгновений в чарующем мире, имя которому Опера, зажглись люстры в зрительном зале. Спектакль окончился...

Но мы покинем театр несколько позже обычного, — нас ждет встреча с певцом искусству которого мы только что аплодировали тепло и благодарно.

И пока мы совершаем сложный переход за кулисами театра, чтобы войти в гриммоузату заслуженного артиста республики Валерия Егудина, у нас есть несколько минут, чтобы вспомнить некоторые вехи его творческого пути. Пути, который счастливо начался и продолжается сегодня на сцене «Большого театра Сибири».

Он дебютировал двенадцать лет назад, будучи студентом второго курса Новосибирской консерватории. Тогда Валерий спел небольшую партию в опере М. Магиденко «Тропую грома». Сегодня в репертуаре певца более двадцати ведущих теноровых партий в операх, созданных русскими и зарубежными классиками, в сочинениях советских композиторов. Садно и Дон Хозе. Сабинин и Канно, Михаил из оперы «Не только любовь» Родиона Щедрина и Олег Баян из «Клопа» Лазарева... Все эти партии дороги ему. За каждой из них десятки многочасовых репетиций, множество спевов и проговоров. За каждой — нелегкие часы надежд, сомнений, а иногда и минуты отчаяния. Отчаяния от того, что образ никак не получается

таким, каким ты мысленно видишь его сам, каким видит его режиссер. Словом, за ними все то, без чего немислима жизнь актера.

И все же есть у Валерия Егудина партия, которая особенно близка и любима. Это партия, которую он пел сегодня.

...Очень трудно после трехчасового спектакля вот так сразу выйти из образа, в создание которого вложено столько мыслей и дум. Поэтому наш первый вопрос был в какой-то мере созвучен настроению певца.

— Итак, Герман... Что значит для вас этот образ? Когда вы встретились с ним впервые?

— Об этом не рассказывать в двух словах. Помню то первое впечатление, когда узнал я, что мне, тогда студенту четвертого курса консерватории, доверено исполнение одной из жемчужин русской оперной классики. Что я почувствовал тогда? Прежде всего испуг. Мне показалось, что я не в силах спеть эту партию, что просто-напросто провалюсь...

В новой постановке «Пиковой дамы», которую осуществлял Эмиль Пасынов, я не был назначен как исполнитель первого состава. Вместе со мной Германа репетировал певец, который был и старше, и опытнее меня. Но случилось так, что незадолго до выпуска спектакля он ушел из театра. Естественно, в такой ситуации и волеизъявление мое и ответственность возросли вдвое.

Спорным получился наш тогдашний спектакль. Было в нем, пожа-

луй, немало от той «Пиковой дамы», которую написал Пушкин, и это как-то диссонировало с тем, что выразил в своей музыке Чайковский.

Пожалуй, больше в «пушкинском» ключе исполнял тогда свою партию и я. А ведь Герман Пушкина и Герман Чайковского — это совсем не одно и то же. У Пушкина герой сух и жесток, этот человек «с профилем Наполеона и душой Мефистофеля» одержим од-

ного или много героя, я часто при этом приходил к мысли, что мне не одолеть всех трудностей вокальной партии, что мне просто не хватит выносливости спеть ее до конца.

— И тем не менее?..

— Так уж сложилась моя судьба. Окончив техникум и получив диплом плановика-экономиста, я

ВСТРЕЧИ ПО ВАШЕЙ ПРОСЬБЕ

приехал по распределению в Новосибирск. Чуть раньше мне посоветовали прослушаться в Красноярском музучилище, и я решил рискнуть. Меня прослушали и настойчиво рекомендовали попытаться счастья в консерватории.

Но прослушивание в Новосибирской консерватории не было слишком утешительным. Мне вежливо объяснили, что мой голос слишком «зелен» для консерватории и что мне лучше пойти пока в училище. Однако в конце концов все же прыгали на подготовительный курс. Между прочим, пел я тогда баритоном и, в частности, на прослушивании спел песенку Томского.

Ну, а затем начались годы, которые я всегда вспоминаю тепло и благодарно. Годы учебы, ежедневное общение с такими прекрасными педагогами, как А. П. Зданович, А. Я. Хинчин. Эти люди сделали все для того, чтобы я стал певцом.

— Мы вспомнили прошлое. Теперь попытаемся заглянуть вперед. Каким вы видите будущее оперы?

— Понимаю, что скрывается за этим вопросом. Очевидно, вас волнует тот факт, что сегодня в оперу приходит уже не столь много зрителей, как в былые годы?

Я много думал об этом, знаю, что однозначно на такой вопрос не ответить. Мне кажется, что опера — это такой весьма сложный вид искусства, и пониманию которого нужно готовить будущих зрителей с юных лет, со школьной

наимы. Готовить в школе, готовить дома, в семье. В какой именно форме должна вестись эта подготовка, наверное, знают педагоги. Я же убежден в одном: колы эстетические взгляды формируются с детства, есть ли у всех нас задача благороднее, чем научить тех, кто придет в зрительный зал через несколько лет, любить и ценить прекрасное?

Но это только одна сторона вопроса. Очень многое зависит здесь от нас, работников театра. Нам нужно создавать спектакли, которые преодолевали бы рамки некоторой традиционности, сложившейся при постановке оперы, нам нужны свежие и оригинальные оперные произведения на современную тему, наконец, нам просто нужно хорошо петь. Добиться всего этого не просто, но, тем не менее, необходимо.

— Закончили ли спектакль или репетиция. Наконец, просто у вас выдалось свободное время. Чему вы посвящаете часы досуга?

— Таких часов, к сожалению, выпадает не слишком много... Чему я их отдаю? Люблю хорошую книгу, с удовольствием играю в шахматы, с наименьшим удовольствием копаюсь в двигателе своей лодки... И пусть вас это не удивляет. В детстве меня, как и многих ребят, манили далекие моря и океаны. Может быть, поэтому я и люблю проводить свой отпуск, если так можно сказать, на воде. В прошлом году, например, вместе с друзьями проплыли на лодках от Новосибирска до Камня. Как видите, дальний мореплаватель из меня не получился. Я ограничился Обским морем, но ведь и это не так уж плохо, особенно если совмещаешь такие поездки с рыбалкой...

— Вы стали певцом, вы спели любимую партию. О чем вы мечтаете сейчас?

— Мечтаю спеть Каварадосси в «Тоске», думаю об Отелло... С удовольствием бы спел и в современной опере — произведении с оригинальной музыкой и свежим драматургическим содержанием. Сбудутся ли эти мечты? Не знаю. Знаю только, что для этого нужно работать, работать и работать.

Беседу вел Ю. ЕРОФЕЕВ.